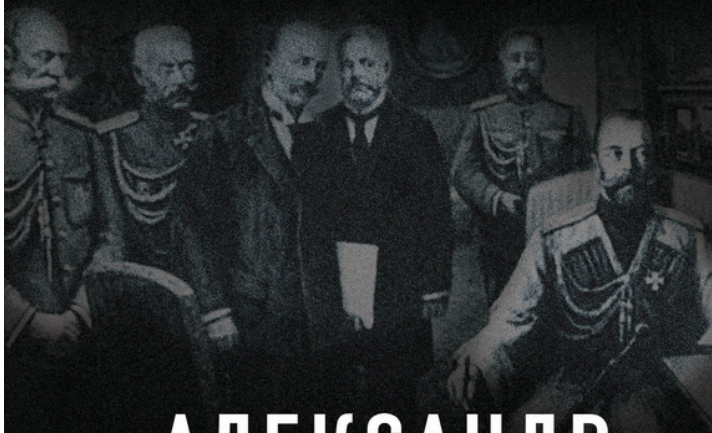

СВИДЕТЕЛИ РЕВОЛЮЦИИ

АЛЕКСАНДР ГУЧКОВ

ЗАГОВОР ПРОТИВ
НИКОЛАЯ II

КАК МЫ ИЗБАВИЛИСЬ ОТ ЦАРЯ

Александр Иванович Гучков
Заговор против Николая II.
Как мы избавились от царя
Серия «Свидетели революции»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26106117

*Заговор против Николая II. Как мы избавились от царя: Алгоритм;
Москва; 2017*

ISBN 978-5-906979-52-0

Аннотация

Александр Иванович Гучков – один из самых крупных политических деятелей дореволюционной России, член Государственной Думы и Государственного совета, лидер влиятельной партии «октябристов», в 1917 году – военный и морской министр Временного правительства; с 1913 года он входил также в Военную масонскую ложу. Именно Гучков являлся автором и организатором дворцового переворота, целью которого было, используя связи с рядом военачальников (М. В. Алексеевым, Н. В. Рузским и др.), заставить Николая II отречься от престола. В первые дни марта 1917 года план Гучкова был осуществлен, с царствованием Николая II и монархией в России было покончено. В своих воспоминаниях А. И. Гучков

делится подробностями этого, пожалуй, самого удачного заговора за всю русскую историю.

Содержание

Предисловие	6
Воспоминания А. И. Гучкова	15
Отношения с Николаем II. Влияние Витте	15
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Гучков

Заговор против Николая II.

Как мы избавились от царя

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Предисловие

Стенограммы бесед А. И. Гучкова с Н. А. Базили хранятся в архиве Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета¹. Бумаги Базили² поступили в

---

¹ Архив Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета. Коллекция Н. А. Базили (далее – Коллекция Базили), ящ. 6, 7. В коллекции также имеются стенограммы бесед с государственными, политическими и военными деятелями дореволюционной России – В. В. Вырубовым, А. С. Лукомским, В. В. Буймистровым (ближайшим сотрудником принца А. П. Ольденбургского во время Первой мировой войны), М. В. Челноковым (опубликована в книге: *Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники*. Париж, 1988, с. 500–502), бывшим министром народного просвещения графом П. Н. Игнатьевым, датированные 1932–1935 годами.

² Николай Александрович Базили (1883–1963) – в 1914–1917 гг. дипломатический представитель МИД при Ставке. В 1917 г. начальник (директор) дипломатической канцелярии при Верховном главнокомандующем. Статский советник, член Совета МИД. По поручению генерала М. В. Алексева составил проект акта об отречении Николая II, который был подписан последним с некоторыми изменениями (*Hasegawa Ts. The February Revolution*. Petrograd. 1917. Seattle. 1981, pp. 502, 506, 514). В мартовские дни 1917 г. Базили по делам службы посетил Петроград (удостоверение № 2527 от 4 марта 1917 г. за подписью генерала Алексева. Коллекция Базили, ящ. 5). В столице сделал доклады М. В. Родзянко, Г. Е. Львову, П. Н. Милюкову, А. И. Гучкову. С этого времени начинаются его сближение и дружба с последним. В июне 1917 г. Базили становится советником Российского посольства в Париже. В 1918–1919 гг. принимал участие в создании и деятельности Русского политического совещания, направленной на объединение всех антибольшевистских сил в России и за границей. После окончания гражданской войны занимался литературной деятельностью. С осени 1939 г. жил в Америке, служил в крупном банке (National City Bank of New York). С 1942 до конца 50-

архив Гуверовского института в мае 1965 г. в качестве дара от его вдовы Л. де Базили³.

Готовясь к интервью с Гучковым, Базили составил перечень вопросов, которые он предполагал задать во время беседы⁴. Свидание состоялось в клубе за завтраком в присутствии Руманова. Здесь же последний записал фрагмент воспоминаний Гучкова, который позднее опубликовал⁵.

х годов работал в представительстве этого банка в Монтевидео (Уругвай) (Коллекция Базили, ящ. 21).

³ Basili Lascelle Meserve de. *Memoirs of a Lost World*. Stanford. 1975.

⁴ «Вопросы для А. И. Гучкова. 1. Генезис недоверия А. И. к левым. 2. Практическое отграничение А.И. от левых. 3. Разочарование в Николае II и письмо к нему. 4. Сношения с Алексеевым и письмо к нему. 5. Сношения Львова с Алексеевым и поездка в Ставку. 6. План переворота. 7. Генезис Временного правительства (заседание в декабре. Откуда Некрасов, Терещенко, Керенский. Легенда о масонах). 8. Почему в Пскове был принят Михаил Александрович, вместо Алексея Николаевича. 9. Роль Рузского. Его отношение к клике Распутина. 10. Отречение Михаила Александровича. 11. Генезис Совета Рабочих Депутатов. 12. Приказ № 1 – его происхождение. Как А. И. был вынужден его принять. 13. Заседание Временного правительства, на котором Корнилов предложил ликвидировать большевиков. Когда это было. 14. Почему Временное правительство не сохранило Думу. 15. Вопрос об отбытии Николая II в Англию. Дополнительные вопросы для А. И. Гучкова. 1. События, непосредственно предшествующие первой революции. (Последнее записанное – попытка дворцового переворота и заседание у Федорова.) 2. Первые дни революции и поездка в Псков. Отречение Николая II и Михаила Александровича. Образование Врем. правительства. 3. Запрос о смерти Столыпина. 4. Хатисов и великий князь Николай Николаевич. 5. Чхеидзе. 6. Почему Временное правительство упразднило Думу. 7. Образование личности и взглядов Гучкова. (То, что Александр Иванович уже вкратце рассказывал Н. А. Базили за завтраком в клубе.) Сухомлинов. «Гурко».

⁵ Руманов А. В. А. И. Гучков о терроре. Последние новости, 8.IX. 1936.

Запись первого интервью сделана 5 ноября 1932 г., последнего из имеющихся – 5 февраля 1933 года. Их беседы, как правило, начинались в 17–17.30 и длились 2–3,5 часа. Некоторые дополнительные сведения о стенографировании бесед мы получили из сохранившегося в фонде Базили рукописного отчета стенографистки (на одной стороне листа без даты), с подзаголовком «Memoire». В нем перечисляются лица, с которыми она работала, указываются места встречи, даты (без года), количество затраченного времени, расценки. Среди прочих имеется запись за 30 января: «Запись у Гучкова с 5–7 1/2 = 2 1/2-70». Далее идет сообщение о расшифровке записи беседы с Гучковым на 30 страницах, сделанной в тот же день. Однако этой стенограммы в фонде Базили не обнаружено. Следовательно, имела место, по крайней мере, еще одна беседа с Гучковым, следы которой теряются⁶.

Не все, о чем говорилось во время бесед, попало в стенограмму. В одних случаях это было сделано сознательно, ряд разговоров участники беседы просили не стенографировать, о чем есть записи в тексте. 30 августа 1935 г. Базили благодарил Гучкова за то, что тот находит время «заканчивать исправление и дополнение наших записей»⁷. По свидетель-

---

⁶ Но тогда сразу возникает вопрос, а почему отсутствует данная стенограмма. Поскольку в нашем распоряжении есть вопросник, который Базили предложил Гучкову, то видно, что в имеющихся у нас стенограммах отсутствуют ответы по сюжетам, связанным с масонами. Можно предположить, что беседа 30 января 1933 г. касалась именно этой проблемы.

⁷ Там же, ящ. 2.

ству Элькина и Николаевского, разбиравшего архив Гучкова, стенограмма была просмотрена и подписана Гучковым, подтвердившим правильность воспроизведения ответов на поставленные вопросы.

Что касается авторизованного экземпляра, то просмотренные нами материалы позволяют думать, что он был передан Гучковым Базили, а тот уже после смерти Гучкова отдал его душеприказчикам последнего. Это, видимо, и есть тот экземпляр, о котором известно, что он пропал в Париже во время войны. Таким образом, экземпляр, оставшийся у Базили и переданный затем в Гуверовский институт, по всей вероятности, является единственным сохранившимся. Ссылки на эти стенограммы отсутствуют также и у биографов Гучкова⁸.

Кроме десяти стенографических записей бесед Гучкова с Базили, в этой же коллекции хранится стенограмма под заглавием «Беседа с А. И. Гучковым», датированная 10 февраля 1936 года. Следовательно, запись произведена за три дня до смерти. Последний год жизни Гучков был тяжело болен. В 1935 г. у него обнаружили рак кишечника. 21 октября его поместили в клинику Мирабо в Париже, где в декабре он перенес тяжелую операцию, но быстро оправился. Гучков не подозревал, от какого недуга страдает, и твердо верил в выздоровление. У его постели постоянно находились жена и

---

⁸ Gleason W. Alexander Guchkov and the End of the Russian Empire. Philadelphia. 1983; Menashe L. Op. cit.

дочь, В. Трэйл⁹.

О своей смертельной болезни он узнал за неделю до кончины и начал готовиться, «методически приводя в порядок свои дела и отдавая предсмертные распоряжения»¹⁰. Умиравший до последнего дня принимал посетителей, около него

---

⁹ Трэйл (Trail) Вера Александровна (1906–1986). В первом браке за Петром Сувчинским (музеевед, вдохновитель и основатель евразийского движения в русской эмиграции). В 1932 г. вступает во Французскую компартию, после чего отношения с отцом изменились. В это же время Трэйл близко сходитя с К. Родзевичем, сотрудничавшим с НКВД. В 1936 г. участвовала в вербовке добровольцев в интербригады. Второй ее муж, шотландский коммунист Р. Трэйл, погиб в Испании в июле 1937 г. (от этого брака родилась дочь). До Испании он работал в Москве. Трэйл участвовала в разборе архива отца. В 1936 г. выехала в СССР – на следующий день после того, как в Париже был убит И. Рейсс, бывший резидент НКВД, порвавший с этой организацией. По рассказу Трэйл, она была знакома и с наркомом внутренних дел Н. И. Ежовым, который помог ей избежать ареста, предупредив ее за несколько часов перед этим. Вторая мировая война застала ее в Париже, в числе других нежелательных иностранцев она была отправлена в концентрационный лагерь, где у нее завязался роман с немецким антифашистом, ветераном интербригад Бруно фон Заломоном (умер несколько лет спустя от туберкулеза). Из лагеря бежала через Испанию в Лиссабон. В Англию перебралась при помощи А. Я. Гальперна (меньшевик, масон). После войны вышла из компартии. Некоторое время в качестве переводчицы сопровождала В. Кравченко (сотрудник закупочной комиссии товаров по ленд-лизу, оставшийся на Западе, автор книги «Я выбрал свободу»). В 60-е годы посетила СССР в качестве переводчицы делегаций английских лейбористов. Была знакома с С. Аллилуевой. На погребении Трэйл присутствовала внучка Сталина. (*Берберова Н.* Люди и логи. Нью-Йорк, 1986. С. 200–206. Здесь же опубликована справка-письмо Вольско-го-Валентинова Николаевскому «Шпионская сеть около А. И. Гучкова»; *Бросса А.* Агенты Москвы. Edition Galimard, 1988, гл. «Групповой портрет с дамой» // Иностранная литература. 1989. № 12).

¹⁰ Последние новости, 14.11.1936.

сидела стенографистка. «Беседа» представляет собой стенографическую запись на 3 1/2 листах (машинопись). Каждый лист подписан В. Б. Ельяшевичем, его же рукой сделана правка «Беседы». Это позволяет нам считать его последним интервьюером Гучкова¹¹.

В предсмертных воспоминаниях Гучков коснулся эпизода, о котором ранее не упоминал. Речь идет о смерти генерала Крымова, об обстоятельствах которой ему сообщил подесаул Кульгавов, адъютант генерала. Надо отметить, что к этому сюжету он обращался и ранее. В нашем распоряжении имеется запись беседы Николаевского с Гучковым 2 апреля 1929 г., содержащая некоторые детали выступления Корнилова. В частности, рассказ адъютанта излагается так: «После панихиды подошел адъютант Крымова, который сказал, что Кр[ымов] перед смертью просил его рассказать мне все подробности дела. Дело было, оказывается, так. Крымов был на фронте у Деникина; последний как-то его позвал и говорит, что Крымова скоро должен будет вызвать Корнилов и поручить ему поход на Птб; Ден[икин] советовал Крымову за это дело не браться, т. к, оно очень ненадежно. Тем не ме-

---

¹¹ Архив Гуверовского института. Коллекция Струве, ящ. 5, п. 43, переписка. Василий Борисович Ельяшевич (Эльяшевич) – юрист, до эмиграции преподавал в петроградском Политехническом институте. Занимался изучением земельных отношений в России с древнейших времен (опубликованы два тома его труда, доведенные до середины XIX в.). В эмиграции жил в Париже. В 20-е годы работал в парижском кредитном обществе «Кожа» и преподавал гражданское право в русском отделении Парижского университета; активный участник общественной жизни русской эмиграции. Умер после 1950 года.

нее, Крымов, когда получил предложение, взялся (в остальном, ничего нового)»¹². В записи же 1936 г. сказано: «Адъютант Крымова передал А. И., что когда он раненный лежал на полу, он сказал: «Если бы мне попался в руки Корнилов, я бы его собственноручно пристрелил». В тексте это место взято в квадратные скобки, а на полях сделана запись: «Не для опубликования»¹³. Это дополнение позволяет по-новому взглянуть на содержание не дошедшего до нас последнего письма Крымова Корнилову, о котором известно из воспоминаний Лукомского.

* * *

Рассказывая об истории возникновения стенограмм, хотелось бы сделать несколько предварительных замечаний о Гучкове как мемуаристе. После окончания гражданской войны, оказавшись в эмиграции, он продолжал довольно активно заниматься политической деятельностью¹⁴. Написание же мемуаров, по-видимому, не входило в его первоочередные

---

¹² Коллекция Николаевского, ящ. 775, п. 14, беседа Гучкова с Николаевским 2.IV.1929.

¹³ Коллекция Базили, ящ. 6, беседа с Гучковым 10 февраля 1936.

¹⁴ Им была налажена конспиративная сеть через генерала Скоблина (тайно сотрудничавшего с НКВД) и М. М. Шранге (вернулся в СССР) для связи со своими агентами в СССР. В начале 30-х годов часто бывал в Берлине (Коллекция Николаевского, ящ. 507, п. 3; Иностранная литература. 1989. № 12. С. 244, 245; Берберова Н. Указ. соч. С. 200–202).

планы. Первые из имеющихся у нас стенограмм воспоминаний Гучкова относятся к марту-апрелю 1929 года. Записи его рассказов были организованы Николаевским и Элькиным в Берлине. Затем уже упоминавшиеся беседы в 1932–1933 гг. с Базили и в 1936 г. с Ельяшевичем. По всей вероятности, Гучков не очень был расположен записывать воспоминания, что и подтверждают хорошо знавшие его люди. Так, Николаевский писал, что Гучков «очень любит говорить о прошлом, но не говорить для печати. Он мечтает о том, чтобы написать воспоминания, подвести итоги, – и колеблется, боится взять непосильную ношу»¹⁵. У Николаевского было «много разговоров с Гучковым, он хотел, чтобы я написал по его рассказам его воспоминания. На основе рассказов я составил очень подробный план, который испугал Гучкова, так как роль Гучкова, как я узнал позднее от его жены, в моем плане вырисовывалась как чересчур революционная. В нем вехах намечен весь жизненный путь Гучкова»¹⁶.

Судя по этим свидетельствам, он отдавал предпочтение устным рассказам, причем знавшие его люди отмечали определенные отличия в его рассказах. Николаевский писал: «А. И. разным людям свои взгляды представлял по-разному»¹⁷.

---

¹⁵ Коллекция Николаевского, ящ. 775, п. 14. Из письма Николаевского редактору нью-йоркской газеты *Forward* А. С. Кагану, 29 января 1935.

¹⁶ Там же, Николаевский – Л. О. Дан, 9.III.1957.

¹⁷ Там же, Николаевский – Изюмову, 26.V.1936.

Милюков об оставшихся после Гучкова стенографических записях, продиктованных в разное время разным людям, подчеркивал, что об одних и тех же событиях он говорил с неодинаковой степенью подробности¹⁸. Это надо учитывать при анализе воспоминаний. Следует отметить и очень цепкую память Гучкова на отдаленные события. Ряд фактов он воспроизводит с поразительной точностью и мельчайшими подробностями.

Соломон Ляндрес – сотрудник Стэнфордского университета (США).

Анатолий Васильевич Смолин – доктор исторических наук, профессор СПбГУ.

---

¹⁸ Последние новости, 8.VIII.1936.

Воспоминания А. И. Гучкова

Отношения с Николаем II. Влияние Витте

(беседа с Н. А. Базили 11 ноября 1932 г.)

Базили: Как начались Ваши отношения с Николаем II?

Гучков: Моя первая встреча с ним – июнь 1905 года. Затем в Москве продолжаются эти съезды земские и городские, которые становятся все более и более бурными. Затем выработана в Петергофе на совещании под председательством Николая II так называемая Булыгинская конституция, которая предоставляет законодательным учреждениям роль совещательную на земских съездах. Это не вызывает никакого удовлетворения и успокоения, и революционная волна идет все выше и выше. Я пытаюсь убедить, что все уже достигнуто, но голоса благоразумия не принимаются во внимание, требования растут. Это было в августе – Булыгинская конституция. Декабрьское восстание в Москве – это 1905 год... Мы хронологию потом тоже установим. Затем смена министерства – Витте призван. Под влиянием роста революцион-

ного движения по настоянию кн. А. Д. Оболенского¹⁹, который играл большую роль, Витте убеждает государя сделать какую-то общественную манифестацию, которая свидетельствовала бы о том, что верховная власть решила идти на широкие реформы. Появляется манифест 17 окт[ября], и затем начинается выполнение этого манифеста; составлен проект избирательного закона и проект положения Государственной думы и Государственного совета. В самом конце ноября – начале декабря 1905 г. в Петергофе созывается совещание для обсуждения того проекта избирательного закона, который выработан был министерством. Совещание это под председательством государя состоит из Совета министров, некоторых членов Государственного совета, специально приглашенных, и туда же приглашены четыре со стороны независимых общественных деятелей: Шипов – председатель губ. управы московской, бар. Корф – от Петербургского земства, граф Владимир Алексеевич Бобринский и я.

Базили: Было в Петергофском дворце?

Гучков: Да. В Большом дворце. Это была моя вторая встреча с государем. Она не имела никакого значения. Меня просто представили ему. Он несколько слов ласковых сказал. Мы считались как бы экспертами, приглашенными дать свои показания.

---

¹⁹ Оболенский Алексей Дмитриевич (1855–1933) – член Государственного совета (группа центра), сенатор. В 1905-1906 гг. обер-прокурор Св. Синода. Один из ближайших сотрудников С. Ю. Витте при разработке октябрьских актов 1905 года.

Вот эти четыре лица, которые там были, они по одному вопросу, основному – должно ли быть положено в основание закона представительство профессиональное или национальное – разделились на две группы. Бар. Корф и Бобринский стояли за представительство профессий, исходя из того, что эти выборы дают возможность избирателям более сознательно выбрать своих представителей: они выбирают людей своей группы. Шипов и я, мы стояли за общее представительство. Технически, может, те были правы, но мы считали, что дело касалось известного умиротворения, сословное же представительство могло бы вызвать большие брожения и протест оппозиции. Потом, в этом вопросе большую роль играет не дозирование представительства групп, а какое количество голосов вы тем и другим группам дадите.

Базили: Это решение не удовлетворило бы левых?

Гучков: Мы с Шиповым, не предрешая вопроса о всеобщем избирательном праве, допускали известные преимущества, которые были бы даны тем и другим избирателям. Мы предполагали, что известный ценз должен быть. В требованиях не доходили до всеобщего избирательного права, а допускали известные цензовые ограничения.

Одну любопытную черту надо отметить. Тогда мы были приглашены в Петербург на три совещания. Остановились мы все четверо в одной и той же гостинице «Франция» на Морской, и Шипов и я; мы получили записку от графа Витте, приглашающую нас к нему зайти вечером накануне со-

вещания. Он тогда жил в Зимнем дворце, в одном из флигелей. Очевидно, он знал заранее, как у нас распределены течения. Шипова вместе со мной позвал и спросил, какие у нас основные взгляды? Мы ему изложили. Он сказал, что разделяет наши взгляды, не обещал их поддерживать, но я помню, в виде аргументации он дал такой совет: «В числе аргументов, которые вы будете приводить, вы не указывайте на то, что манифест 17 октября уже предрешает введение конституционного образа правления в России и что этот манифест уже связывает верховную власть, как что-то уже сделанное». Значит, он уже в то время заметил, что у государя было некоторое колебание.

Когда мы возвращались от Витте поздно вечером домой, по дороге мы встретили бар. Корфа и графа Бобринского, которые тоже получили приглашение к Витте – позднее, чем мы. Мы условились, что поделимся нашими впечатлениями. Они рассказали нам, что Витте то же самое с ними говорил, что и с нами. Он не возражал против их схемы и тоже дал ряд советов, как они должны себя вести. Отсюда я заключаю, что сам Витте не выработал в то время для самого себя определенного взгляда на этот важнейший вопрос.

На другой день было совещание, и меня тронула одна черта, которая очень характеризует Бобринского, человека искреннего. Мы говорили в таком порядке: сперва Шипову было предоставлено слово, потом я говорил, горячо, убежденно. Поэтому когда после меня Бобринскому было предостав-

лено слово, то он взволнованно сказал, что пришел на это совещание вот с какими мыслями, но моя речь, мои доводы его совершенно поколебали и он думает, что действительно следует стать на эту позицию. Я указывал на то, что неравенство, классовые деления вызывают всеобщее осуждение, и если мы эти остатки прошлого закрепим, предоставим представительство этим классам, то не будет удовлетворения, которого жаждет нация; что акт великой справедливости должен совершиться, и только тем путем, что предоставляется всем без различия языков и сословий.

Базили: Этот проект и был введен в силу, который вышел из этого Совещания?

Гучков: Он и был введен. При самом обсуждении мы [до конца] не присутствовали. После нас было предоставлено слово кое-кому из остальных (или: основных – не расслышала. – *Прим. стеногр.*) участников. Я помню только речь Дурново Петра Николаевича. Он тогда был членом Государственного совета. Он возражал против самой идеи народного представительства. Очень умно, резко говорил, предостерегал против этого строя, находя, что он – как ни строить сам избирательный закон – будет большой фальсификацией народного и общественного настроения: предполагается, что народ, а на самом деле это разные самозванные вожаки – учительницы, фельдшера. Об этом революционном третьем элементе.

Базили: Возьмет народ в опеку...

Гучков: И угрожал всякими бедами, если власть станет на этот путь. Что будет с народом в руках революционных элементов? Тут его старый опыт бывшего министра внутренних дел сказался, потому что донесения Департамента полиции свидетельствовали о сильном революционизировании этих кругов. Но в прочих выступлениях я чувствовал большое колебание. Когда после одной или двух речей членов Государственного совета государь объявил перерыв и позвал нас завтракать, то подошел ко мне граф Алексей Игнатьев, который был киевским генерал-губернатором, член Государственного совета. Он говорил, что тоже очень колебался, но моя речь его убедила. Ему показалось, что можно на этих началах построить наши новые представительные учреждения по типу старых земских соборов, и так как вся семья Игнатьевых со славянофильскими традициями, ему представилось, что это не будет такой разрыв с прошлым. Насколько в кругах, которые должны были решать, не было плана; они были в поисках.

Затем перерыв был, нас благодарили и отпустили, потому что с нас как с экспертов сняли допрос. Государь ничего не сказал во время завтрака, он подошел и все. Это было в декабре. Кто-то меня спросил: «Что, вы еще остаетесь в Петербурге?» Я говорю: «Нет, я тороплюсь в Москву, потому что там назначено вооруженное восстание». Насколько мы знали, гласные думы по городскому управлению, что там подготавливается вооруженное восстание! А брат Николай и я, мы

по долгу гласных и общественных деятелей считали необходимым быть там.

Базили: Кто вел это вооруженное восстание?

Гучков: Оно было хаотическое. Я не думаю, чтобы там было правильное руководство. У меня не было впечатления, что был какой-то революционный комитет, объединяющий действия всех. Были отдельные вспышки. Был московский гарнизон и потом туда был приведен Семеновский полк (хотели какие-нибудь чужие войска ввести). Семеновцы выполнили все то, что им было приказано, но, в общем, без очень больших потерь это движение было подавлено.

Базили: В Петрограде Хрусталеv²⁰ играл очень большую роль, а там не было такого Хрусталева? Из Петрограда руководили?

Гучков: Возможно. Но внутри Москвы не чувствовалось плана.

Базили: Но это была социал-демократическая затея?

Гучков: Да, да, в это время рабочее население было распропагандировано, какое-то влияние было.

Следующим эпизодом из этой области был съезд, тоже очень бурный, и вот я получаю из Петербурга приглашение от графа Витте приехать к нему. Одновременно туда пригла-

---

²⁰ Хрусталеv-Носарь (Переяславский) Г.С. (1877–1918) – помощник присяжного поверенного, из крестьян, член Союза Освобождения, адвокат Союза печатников. В 1905 г. председатель Петербургского Совета рабочих депутатов. Арестован и в 1906 г. сослан в Сибирь, откуда бежал за границу. Вернулся в 1917 г. в родной Переяславль. Оборонец, антибольшевик. Расстрелян большевиками.

шены: Шипов, М. А. Стахович, князь Евгений Трубецкой, который был в то время профессором в Киеве, талантливый, но менее значительный, чем брат. Тот был чистый философ, а этот – философ в области юриспруденции. Витте созывает нас и говорит, что по поручению государя он нас пригласил для того, чтобы нам войти в состав министерства. В Зимнем дворце ряд вечерних заседаний. Мы, сговорившись между собой, даем согласие, но ставим условие. Условие заключается в том, что одновременно с призывом нас к власти должна быть если не обнародована, то выработана для нас самих общая программа тех мер, которые это правительство должно было бы провести.

Мы говорим: имена наши что-то такое дают, потому что всем известно наше прошлое, это имеет что-то за себя, но это слабо; если верховная власть и граф Витте хотят привлечением новых людей вызвать успокоение общественного мнения, которое, так сказать, авансом готово поверить новому правительству, то имен недостаточно, а надо программу. Относительно программы у нас в общих чертах как будто складывалось. Больших разногласий в конце концов не было бы, потому что у высшей власти в лице Витте была как бы безграничная готовность идти на самые большие уступки. Распалась вся эта комбинация на вопросе личном. Какие портфели предполагалось распределить между этими лицами? Граф Гейден – Государственный контроль, значит пост мало влиятельный; Шипов – земледелие, тоже техническое

министерство...

Базили: Об аграрной реформе тогда не говорили еще?

Гучков: Нет, не говорили. Мне – чисто техническое Министерство торговли и промышленности, в силу моего происхождения из этой среды; Стаховича имели в виду на должность обер-прокурора Синода; кн. Трубецкого – на пост министра народного просвещения.

Базили: Но предполагалось создать Совет министров, так что идея была?

Гучков: Основное – борьба с революционными течениями, отношение к городам и земствам, деятельность полиции – это все сводилось к центральной фигуре министра внутренних дел. Кто же министр внутренних дел? Витте очень неохотно разъяснил нам, что его кандидат – Петр Дурново, который в то время был товарищем министра внутренних дел. У Дурново была репутация определенная, а у некоторых из нас были личные впечатления неблагоприятные. Трудно было придумать человека, менее отвечающего задачам, которые ставила себе верховная власть и ее представитель – Витте, и если нужно было составом министерства успокоить общественное мнение, то это отпадало.

Мы возражали против этой кандидатуры, и я сказал Витте: «Могу вас уверить, что все то впечатление, на которое вы рассчитываете, будет начисто смыто, раз после опубликования списка министров окажется, что мы согласились войти в состав того же министерства, в каком и Дурново. Мы бу-

дем в этом отношении бесполезны, потому что тот капитал, на который вы рассчитывали, будет в пять минут растрачен, если противник всякой общестственности становится во главе министерства». Витте сказал, что он в своих руках держит весь узел борьбы с революционными течениями. Даже, как сейчас помню: «Если государь в безопасности и жив, если мы с вами спокойно обсуждаем эти вопросы, то только благодаря ему, потому что на нем все держится».

В один вечер мы пришли к Витте, застаем там князя Урусова Сергея Дмитриевича, быв. московского губернатора. Кн. Урусова я знал хорошо. Так, человек средний был, но он считался представителем либеральных течений в нашей бюрократии и был специально приглашен туда, чтобы убеждать нас, что Дурново вполне приемлем, что он совсем не такой страшный реакционер, как его рисуют, и очень горячо его отстаивал. Конечно, в этой защите был один слабый пункт: при этой комбинации Урусов предназначается на должность товарища министра внутренних дел. Эта защита, однако, не подействовала на нас, и мы в конце какого-то из вечерних заседаний заявили, что если только Витте настаивает на Дурново, то мы отказываемся от участия в этой комбинации. В этот же день предполагалось последнее наше совещание по этому вопросу. Хотя у нас [произошел] как бы разрыв, но Витте сказал: «Обдумайте и затем вечером еще раз сойдемся».

У меня в этот вечер был родственник, брат моей жены –

Зилоти, который был старшим адъютантом Морского штаба, но он был гораздо влиятельней, гораздо больше знал, чем полагалось по должности, которую он занимал. Он имел влияние на министров и очень близкую связь с адмиралом Ниловым. Я обедал у Зилоти, и я ему объяснил. Надо сказать, что Зилоти очень сочувствовал этой комбинации. Он был с Витте хорош, так что во всей этой интриге был очень в курсе. Очень огорченный этой неудачей, казалось, уже окончательно, он мне ничего не сказал, но после обеда куда-то уехал. Когда мы поздно вечером в назначенный час пошли к Витте, то встретили какого-то человека, который спускался от него. Кто-то спросил, кто это такой, и нам объяснили, что это Рачковский.

Базили: Он кто был тогда?

Гучков: Начальник сети иностранной агентуры. Когда Витте нас принял, мы его застали взволнованным. Он сказал: «Да, господа, я обдумал, вы, пожалуй, правы. Я решил отказаться от кандидатуры Дурново». Оказывается, Зилоти поехал к Витте и сказал, что ему известен целый ряд темных сторон из жизни и деятельности Дурново; история с обыском у испанского посланника (Высочайшая резолюция по этому поводу: убрать и никуда не пускать); незадолго до всех этих событий разоблачение и травля Дурново в левой прессе по поводу каких-то поставок овса. Так вот, Зилоти сказал Витте, что, как ему известно, в левой прессе – тогда была газета «Русь» – уже заготовлены статьи и одновременно с опубли-

кованием нового министерства все эти разоблачения Дурново будут обнародованы – и насмарку все расчеты на успокоение. Тогда Витте вызвал Рачковского, и тот подтвердил, что это имело место. Отсюда этот вольт-фас.

Когда утром мы пришли, то Витте за ночь передумал и нам заявил, что, по-видимому, наша комбинация не состоится, потому что он вынужден вернуться к кандидатуре Дурново. (Значит, какое-то воздействие было?) Во время этих переговоров я тоже был вызван к государю. Он сказал, что не удастся составить полуобщественный кабинет, [произнес] несколько добрых слов. Я единственный был приглашен из этого совещания, так как был раньше ему представлен. Так вот, вторая встреча осталась без какого-нибудь следа.

Базили: Вы тогда какую должность занимали в Москве?

Гучков: Я был гласным Городской думы и Московского губернского земства.

Базили: А партия была уже составлена?

Гучков: Партия уже состоялась. Центральный Комитет Октябристской партии.

Базили: Значит, вы и шли туда как лидер октябристов?

Гучков: Я думаю, что едва ли этот пост играл роль.

Базили: Предполагалось опираться на октябристов. Ставка была на октябристов.

Гучков: Казалось, что представителями и защитниками нового строя являемся мы – октябристы. Эта комбинация не состоялась.

Базили: Ведь был момент в 1905 году, когда предполагалось призвать кадетов. Когда это было?

Гучков: Это было до созыва I Думы.

Базили: Значит после этого...

Гучков: После этого – это уже 1906 год. Значит, выборы в I Думу, большая победа кадетов. Мы в очень маленькой группе. Я лично не прошел, прошли другие, как Стахович, Гейден, предводители дворянства, председатели губернских управ, два десятка, три десятка, а кадетов большинство. Вот тогда обнаружилась некоторая растерянность, и тогда, в попытке приручить некоторые радикальные элементы, и явилась идея составить кадетское министерство.

Базили: У того же Витте.

Гучков: У того же Витте. Большим сторонником такого кадетского министерства был генерал Трепов. Эта мысль встретила личное нежелание, сопротивление самого государя. Обнародован закон о положении Думы. Выборы. Выборы дают победу кадетам. Затем очень быстро [состоялся] роспуск I Думы после того, как один из ее членов, Кузьмин-Караваев²¹, предложил Государственной думе сделать какое-то обращение к населению. В этом усмотрели известное нару-

---

²¹ Кузьмин-Караваев В. Д. (1859–1927) – генерал-майор, гласный Тверского земства, активный участник съездов земских и городских деятелей, член I и II Дум от Тверской губернии. До 1915 г. профессор Военно-юридической академии. В эмиграции принимал участие в различных общественных начинаниях, в частности в Русской академической группе и в Институте русского права («Некролог», Возрождение, 18. II. 1927).

шение положения и прав Государственной думы и убедились, что она неработоспособна в том смысле, что никакого соглашения между этими элементами и исторической властью не может быть. Она была распущена, затем [предпринималась] попытка на основе избирательного закона произвести вторые выборы, которые дали еще более плачевные результаты. Умеренные правые остались на своих позициях, кадеты потеряли в пользу более левых элементов во II Думе.

Базили: Были введены в России общие выборы, они определенно пошли влево. На это, казалось, один ответ, что программы умеренных были совершенно чужды массе, что масса поддавалась демагогическим обещаниям – очень простым, близким, касавшимся материального интереса, а все культурные лозунги, которые выдвигались умеренными, были массам абсолютно непонятны.

Гучков: Еще большую роль играло непримиримое отношение к власти и к правительству. Призыв к сотрудничеству встречал мало сочувствия, а призыв к борьбе привлекал. Что касается крестьянства – расширение земельной площади, а городское население и интеллигенция увлекались не столько этими отдельными обещаниями, сколько своей боевой ролью по отношению к существующему строю.

Базили: Чем это объяснить?

Гучков: Накопление многих претензий к старому строю и наивная вера, что добиться новых основ жизни можно в порядке насильственном, революционном, а попытка ком-

промисса не приведет ни к чему серьезному. Общее революционное настроение было. Сотрудничество с властью – это значит человек предает себя. Потом перемена пришла со Столыпиным. Сотрудничество можно было наладить с правительством Столыпина... Через некоторое время после роспуска II Думы, ухода Горемыкина, назначения Столыпина я получаю из Петербурга [приглашение] явиться к Столыпину. Вызваны туда были два лица – Львов Н. Н. и брат его Владимир, прокурор. Николай Николаевич был прогрессистом. Несмотря на левый уклон этой группы, он в первых Думах держал себя очень сдержанно. Видно, что он не был увлечен этим революционным потоком. Лично был известен Столыпину, потому что Львов был предводитель дворянства в одном из уездов Саратовской губернии, где губернаторствовал Столыпин. Значит, Столыпин к нему относился с доверием и симпатией.

Перед этим у меня со Столыпиным была одна только встреча, тоже довольно своеобразная. Придется передвинуться немножко назад. Вскоре после московского вооруженного восстания было введено положение о военно-полевых судах. Подавление восстания [прошло] без особых эксцессов, но иногда эксцессы все же имели место. Отдельные воинские отряды озлоблялись сопротивлением мятежников, которые из-за угла, из окон подстреливали солдат, озлобление охватывало не только офицеров, но и нижних чинов, они чувствовали обиду и вражду. Когда кого-то заподозривали,

на месте расстреливали. Указ о военно-полевых судах встретил у меня полное одобрение, потому что в условиях гражданской войны ждать медленно работающего судебного аппарата – это значит ослабить власть и ослабить то впечатление, которое репрессии должны вызвать. В качестве правильного решения между этими двумя крайностями я видел военно-полевой суд, который давал известную гарантию, потому что все-таки был суд. Такое решение достигало и того и другого.

Но в тех условиях этот приказ о военно-полевых судах был встречен криком негодования. Ко мне зашел один из журналистов от «Нового времени», Ксюнин²², с просьбой дать мой отзыв по этому делу, и я совершенно определенно высказался одобрительно, и вообще высказался о необходимости суровыми мерами подавить революционное движение, которое мешает проведению у нас назревших либеральных реформ. Травля в либеральной прессе поднялась невероятная против меня.

---

²² Ксюнин Алексей Иванович (1880–1938) – журналист. Начинал журналистом-криминалистом в «Петербургском листке», «Новом времени», «Вечернем времени». Вместе с Гучковым входил в совет Товарищества «Новое время», на протяжении многих десятилетий поддерживал с ним дружеские отношения, участвовал во многих его начинаниях. В 1918 г. эмигрировал в Белград, в 1919 г. – в ОСВАГе у Деникина. В Белграде входил в Монархический совет. В 30-е годы собирал для Гучкова информацию об СССР. Узнав о предательстве генерала Скоблина, застрелился. По словам Н. Н. Берберовой, Ксюнин был вместе с Гучковым в начале 20-х годов исключен («радиирован») из масонства, членом которого состоял еще в России.

Очень даже заколебались такие столпы, как Шипов, граф Гейден, Стахович. Шипов после этого заявил об уходе из октябристской партии, Гейден имел очень суровое объяснение со мной, после которого объявил себя удовлетворенным, но они оба остались в рядах октябристского комитета.

Вот любопытный штрих безвольности, дряблости общественных элементов. Ко мне пришел граф Гейден. Он был выше остальных, потому что он был, во-первых, нерусского происхождения, у него не было той сентиментальности, а было положительное отношение к вопросам, как у западноевропейских людей, и он не был чистым продуктом общест-венности, а был в свое время чиновником. Для него чувство ответственности, долга, понимание необходимости вла-сти, инстинкт власти не были пустые слова. Когда я пришел, мы имели с ним разговор, и я ему говорю: «Как же иначе вла-сти быть в такие времена, когда нужно подавлять такие дви-жения?» И для того, чтобы усилить мою позицию и отнять у него известное оружие, я ему привел случай борьбы двух групп населения и говорю: «Представьте, что вы как министр внутренних дел получаете телеграмму, что в Баку готовится борьба между армянами и татарами (азербайджанцами. – Ред.). Как вы будете действовать? В конце концов, вы должны будете ввести исключительное положение либо осадное положение, если все не утихомирится. А что такое осадное положение? Предоставление военным властям права распо-ряжения. Ну, как же граф, вы поступили бы в данном слу-

чае?» Вы знаете, что он мне сказал, когда я его спросил? Он взял себя за голову: «Я вышел бы в отставку». Вот вся эта дряблость, а я еще говорил, что он был одним из лучших.

Поэтому я говорил, что все время был проникнут недоверием к государственным способностям общественности. Я считал, ее надо проучить (приручить? – Прим. стеногр.). Я был против парламентского принципа, против парламентского кабинета и даже Столыпину не рекомендовал отдельных лиц вводить туда. В Петербурге это мне создало репутацию человека энергичного, не боящегося ответственности перед общественным мнением. И вот моя первая встреча с П. А. Столыпиным. Она произошла при таких условиях. Я был в Петербурге в день созыва I Думы.

Базили: Вероятно, это заявление и вызвало ваши невыборы в I Думу?

Гучков: Конечно. Я был у Столыпина А. А. – одного из основателей октябризма. Мы все видели из окна, как членов Государственной думы везли куда-то на прием в Зимний дворец. Из Зимнего дворца приехал к своему брату П. А. Столыпин, там мы и познакомились. Он говорит, что аплодировал мне по поводу того гражданского мужества, которое я проявил, взяв под свою защиту такую непопулярную вещь.

Во время одного из земских съездов я опять получаю приглашение Столыпина приехать, и мы приняты Столыпиным на Аптекарском острове в том самом здании, которое через

несколько недель после нашей беседы было взорвано. Так что вот II и III Думы до взрыва на Аптекарском острове и до обнародования нового избирательного закона от 3 июля с ограничениями, куриальная система.

Базили: Ценз был выше и только для известных категорий.

Гучков: Он нас убеждает войти в министерство, он всю свою государственную работу строит на аграрной реформе, на умиротворении крестьянского моря, на целом ряде начинаний, которые должны крестьянство культурно и материально поднять: аграрная реформа, экономическая реформа, введение волостного земства, общественных школ для крестьян – все его внимание на крестьянах. Он говорит: «Если мы и на этой реформе провалимся, то гнать нас надо всех». Он считал, что будущее России надо строить на этом, он убеждает Н. Н. Львова стать во главе Министерства земледелия. «Нет предела тем улучшениям, облегчениям, которые я готов дать крестьянству, – говорит он, – для того, чтобы его вывести, я даже не так уже расхожусь с кадетской программой, я только отрицаю массовое отчуждение, я считаю, что нужно другими мерами этого достигнуть, в смысле увеличения крестьянского землевладения. Я только не могу теми путями идти, которые указаны в кадетской программе».

Я опять-таки предназначаюсь на должность министра торговли и промышленности. Он очень желал, чувствовал необходимость ввести в бюрократическую среду новые элементы и не только дорожил личностью Львова и моей, но самым

принципом чего-то нового. Он чувствовал, что это произведет впечатление. Мы, однако, сказали ему то, что говорили Витте: мы готовы идти, но только при двух условиях – программа, которая должна была бы связать правительство и характеризовать новый его состав в глазах общественного мнения, и, затем, мы настаивали на значительном расширении состава людей со стороны, которые должны были быть введены, т. е. ввести и других общественных деятелей в министерство, потому что [если] нас двое, что же мы смогли [бы]. «Вы это сделайте, – говорил я Столыпину, – потому что, если бы мы вошли вдвоем, мы встретили бы оппозицию. Если мы через некоторое время будем вынуждены уйти, это вам худший урон будет – лучше не начинать».

Он стал поддаваться. У меня было впечатление, что он готов идти на расширенный состав, но сверху не получил согласия. Мы не шли очень далеко, о министре внутренних дел не было речи, но [требовалось] введение туда еще кого-нибудь. Я назвал такие имена, как Кони, человек, который с восторгом был бы принят и общественным мнением и судебным персоналом. Водворение у нас не только правосудия, но и человека, который являлся бы гарантией бескорыстного укрепления правосудия – это произвело бы сильнейшее впечатление. Он только говорил «я подумаю», – значит, должен был просить согласия. Потом выяснилось, что он получил согласие на Кони, но было нелегко, потому что придворные круги припомнили ему председательствование в окружном

суде по делу Засулич.

Затем взбудораженное море профессуры и студенчества, надо какого-нибудь министра, который импонировал бы, и я тогда рекомендовал бывшего московского профессора П. Г. Виноградова, который был в Англии. У Виноградова были следующие достоинства: он был выдающимся ученым, знал хорошо среднюю школу, потому что принадлежал к педагогической семье и до профессуры давал уроки в классической гимназии; как председатель училищной комиссии в Московской городской думе знал начальную школу городскую. Хотя он был человек либеральных взглядов, но очень решительный, трезвый, а главное не связан никакими партийными связями, свободен от обязательств. В качестве проректора Московского университета он потерпел за правду, потому что, когда после каких-то студенческих беспорядков Ванновский издал приказ (указ) о взятии на военную службу исключенных студентов, тогда он резко против этого выступил и за это потерпел. Не помню, добровольно ли он ушел или его удалили, но после этого ему пришлось уйти. В то же время я близко знал его, знал, что он приблизительно таких же взглядов, как и я. Он был приглашен в Лондон сейчас же по окончании этого конфликта, потому что его специальность была общественные учреждения и хозяйственная история Англии в Средние века.

Затем я очень настаивал на графе Гейдене. Виноградов прошел свободно, он телеграммой мне ответил, что согла-

сен, но ставит некоторые условия, и между прочим одно условие – снятие ограничений для еврейской молодежи, процентного отношения. Я думаю, что это тоже было правильно, потому что ничем не угрожало, а как первый признак равноправия произвело бы впечатление на революционные элементы.

Вот, значит, состав приблизительный определился, а что касается выработки программы, то тут мы не встретили со стороны Петра Аркадьевича большой готовности идти в этом направлении сколько-нибудь далеко. Аграрную программу он нам изложил, мы с ней соглашались, но он не был сторонником сколько-нибудь разработанной общей программы, которая, может быть, связала бы это правительство более практически. Он был прав, но для воздействия на общественное мнение – мы на этом настаивали. На этом мы разошлись, и комбинация почти готова была рухнуть, когда он нам в одну из бесед сказал, что государь хочет лично переговорить с Львовым и со мной и назначил такой-то день. Это было в первые дни после роспуска II Думы. Было опасение, как бы на роспуск II Думы не ответили бунтами. В Кронштадте было несколько матросских вспышек. В Петергофе полный комфорт и благоухание, а рядом с этим вот что... Мы были приглашены туда. Государь принял Львова; помню, час с четвертью продолжалась беседа, потом меня – тоже час с четвертью.

Я был поражен полным спокойствием и благодушием го-

сударя и, как мне показалось, не вполне сознательным отношением к тому, что творится, – не отдавал себе отчета во всей серьезности положения. Он был, как всегда, обворожительно любезен, сказал, что хотел бы, чтобы я вошел в состав правительства. Я сказал, что я согласен, но говорил то же, что Столыпину, что для того, чтобы вступление Львова и мое было бы эффективным, нужно, чтобы новые люди вошли и [была] программа. Я сказал, что мы полагали ввести в декларацию. Там был один любопытный пункт – это вопрос еврейский. Я государю сказал: «Я не охотник до евреев, лучше, если бы их у нас не было, но они у нас даны историей. Надо известный модус вивенди установить. Надо создать нормальные условия, как бы к ним ни относиться, но надо сказать, что все мероприятия с еврейским засильем никуда не годятся. Есть цензовые ограничения в школах – это, казалось бы, должно было нас оградить от еврейского засилья в духовной области, а на самом деле посмотрите: в области печати – евреи там всемогущи; художественная, театральная критика – в руках евреев. Это все ничего не дает, между тем озлобления без конца. Надо снять черту оседлости».

Я сказал, как это развращает администрацию, говорю: «Это все надо уничтожить, это произведет сильное впечатление на общественное мнение в России, во всем мире. Только в одном отношении я согласен сохранить ограничения в отношении к еврейству – не допускать евреев в состав офицерства (но они и не хотят) и ограничить их права в приоб-

ретенции земель вне городов (их не тянет и на роль помещиков)». Я считал долгом эти ограничения сохранить, потому что я понимал, что морально мы при этом теряли, но этим путем избегали противодействия в тех кругах, которые были антисемитски настроены; а сохраняя их, мы могли бы эти еврейские реформы провести без потрясений. Государь ответил мне на эту часть моей программы следующим образом: «А не думаете ли вы, что такие меры расширения прав евреев могут вызвать сильное противодействие, могут повести к громадному всероссийскому погрому. Ведь была такая аргументация, якобы правительство ослабело...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.